

Сергей Четверухин

Квартирка

В окно вагона казалось, что скорый поезд пробирается из Москвы в Одессу бесконечными пустынными полями.

Гриша открыл глаза, оттого что мощный прожектор встречного поезда прошелся росчерком по лицу. Гудок. Встречный поезд удвоил общий перестук колес. Гриша перевернулся на спину, откашлялся, прищурился на экран телефона. Пять утра. Через три часа – Одесса. На экране уже появилось название местной сети, роуминг. Черт с ним со сном, Одесса скоро, там отоспимся с комфортом.

Гриша рывком поднял шторы. За окном – темно. Пять утра. Ноябрь. Даже полустанки не светятся. Спят они там, на полустанках, точно спят. От мысли о том, что все вокруг сейчас мирно спят, стало уютно и тепло. Гриша прижался лбом к стеклу. Ничего не видно, но все угадывается. Как в театре теней или на рисунке после пролитой на него воды. А настроение – вверх. Потому что угадывается: нет снега в этой тьме. В той, московской, подсвеченной безжалостными огнями снег был, а в этой – нет. Как не порадоваться?

Завибрировал телефон. Кто это в пять утра?

– Алё! Алё, вы тут? Алё! Меня слышно? – женский голос звучал требовательно.

– Да, я тут. Это Таня? – Гриша ответил негромко, чтобы не будить пассажиров в соседнем купе.

– Это Таня. Вы квартиру бронировали? На Польской? На две недели?

– Я.

– Во сколько вы приезжаете?

– В восемь утра, как договаривались.

- Не успеваем!
- Как так? Мы же договаривались, я три раза повторил: буду в восемь утра... Вы согласились.
- Не успеваем.
- Что не успеваете?
- Ковер перестелить.
- Какой ковер? Зачем? Я смотрел фотографии, меня все устраивает.
- Да там... Такое... Не знаю... В общем, надо ковер перестелить.
- Не надо, я просто хочу заселиться и выспаться.
- Не получится без ковра... Там хозяина убили. Случайно убили, вы не подумайте, что из-за квартиры. Он ювелир был, думали, ценности в доме. В общем, ковер надо перестелить. Мы не успеваем.
- Кого убили? Как убили? Что вы такое говорите?
- Да, к нему пришли спросить, где ценности. А он чего-то полез... Ну, его толкнули, он упал. В общем, неудачно поговорили.
- Так... - сон слетел, будто не было. - Я не пойду в эту квартиру. Замените мне...
- Чем я вам заменю? У меня брони везде.
- Что значит брони? Я бронировал на сегодня! Я! А вы меня... - Гриша хотел сказать «подводите», но на язык само выпало «кидаете».
- Так, молодой человек! Успокойтесь! Что вы мне с утра хамите?
- Я? Это вы мне должны квартиру, мы договаривались! - он уже не думал о пассажирах в соседнем купе. - Вы за три часа звоните мне, говорите, что в квартире кого-то убили!
- Ну да, убили. Что я поделаю? Это жизнь. Подождите, мы пересте...
- Так дайте мне другую квартиру! У вас есть понятие о сервисе?
- Знаете что... Вы успокойтесь сначала, а потом мне перезвоните! Других квартир у меня сейчас нет. С завтрашнего дня освобождается одна на Собо...

Гриша нажал кнопку «сброс». Давление подскочило. Еще секунда - и он насоветовал бы маклерше Тане пикантных маршрутов на ближайшие сорок лет путешествий.

Несколько секунд Гриша молча ругался под стук колес. Не оттого, что потерял что-то безвозвратно, большой беды в том, что отпала заранее забронированная квартира, не было. Но Гриша

был из тех, кто привык контролировать ход своей повседневности и очень расстраивался, когда реальность выбивалась из планов и календарей. Он всегда заранее договаривался со всеми обо всем. Он никогда не подводил окружающих и ненавидел, когда подводят его. Если кто-то так поступал – из-за своего характера или от обстоятельств – Гриша немедленно прекращал общение с этим человеком.

Вспомнив о принципах, он попытался удалить в телефоне номер «Одесса. Маклер Татьяна». Как назло, телефон завис, сеть пропала, зато за окном замелькали редкие огни полустанка. Чего им не спится в эту рань?

Гриша помешал в граненом стакане давно остывший чай. Ничего страшного, конечно, не произошло. Если не обращать внимания на чувство брезгливого отвращения, которое вызвал этот разговор, то проблем нет. Снять квартиру в Одессе в конце ноября так же просто, как летом познакомиться с красивой девушкой в Аркадии. В конце ноября! Почти зимой. Во все времена снять квартиру в Одессе в ноябре было великим одолжением квартирным хозяевам. А барыги – так просто несли тебя на руках в жилище, от которого им перепали скромные комиссионные.

Гриша снова зашел в меню телефона, поискал среди номеров одесские контакты. В Одессе каждый второй занимается сдачей жилья приезжим. Градообразующий бизнес. Главное, не попасть на таких моромоев, как эта Татьяна. Откуда они вообще берутся? Голос резкий, грубый, тон такой, будто подает милостыню, да еще – через силу, нехотя, делая великое одолжение. Совок, вокзал, село. При всей любви к городу, по количеству жлобов на квадратный метр Одесса стремится в абсолютные рекордсмены.

Вот, номер маклера, вот – еще один, а этот – «Одесса. Андрей Вениамин. Риш.» – хозяин квартиры на Ришельевской, Гриша жил там два года назад. Не посредник, действительный хозяин вполне благополучного жилья.

Не то что эта Татьяна. Явно барыжит, накручивает проценты, да и ладно бы, пусть бы накручивала – но нарушать договоренности? А главное – омерзительный тон. Вроде, я вас подвела, а вы еще поблагодарите меня за это, еще будьте мне за это долж-

ны, все остальное с вашей стороны считаю неприкрытой грубостью. Гриша бросил телефон на подушку и отпил холодного чая.

* * *

Андрея Вениаминовича набирал уже из «Макдональдса» рядом с вокзалом. Горячий кофе и ласковый одесский воздух быстро вернули расположение духа.

– Андрей Вениаминович, не разбудил? Это Гриша, помните, пару лет назад снимал у вас квартиру? Не помните? Я еще большую плазму просил. Еще ругался, что уборку плохо делали... За качество боролся. Не помните? Да неважно. Как у вас сейчас с вариантами? За сколько сдаете? Сколько?! – Гриша поперхнулся кофе. – Вы на улице давно были? Конец ноября на дворе, не август, осмелюсь напомнить.

– Вот именно – не август. Все подавали квартиры надолго, до лета. А шо вы хотите? Понаехали иностранцы и снимают сразу на полгода. Шо им мелочиться?

– Какие иностранцы? Что вы голову морочите? Зима на носу, холодно, несезон в Одессе. А в стране – кризис, депрессия, туман...

– Вот иностранцы и едут, шоб в кризис получить все задешево в нашем тумане...

– Где задешево? Это задешево, по-вашему? Вы мне восемьсот гривен в сутки за однушку ломите?

– Для иностранцев это – задешево. А если вам шо-то не нравится, то идите поищите в другом месте, где подешевле.

– Как вы разговариваете с клиентом?

– Вы не клиент, я вас вспомнил, вы тот самый поц, который обозвал уборщицу Раечку косорукой. Вы – жлоб, и не надо спорить. Восемьсот гривен в сутки для него дорого! Вы мне вообще неинтересны.

– Ах ты, долбо...

Но Андрей Вениаминович оказался проворнее. В трубке раздались частые гудки.

Кофе остыл, «Макдональдс» наполнился людьми, существование с каждой минутой теряло комфортность.

Гриша открыл сайт с объявлениями о сдаче квартир посуточно. Раздражение отполировало утреннюю усталость. Но волнения по-прежнему не было. Проблема с квартирой в Одессе? Да еще в конце ноября? Немыслимо. Во все времена в этом городе, где сдача квартир внаем туристам кормила половину его жителей, считалось великой удачей для хозяина найти нормального клиента в конце ноября. Ну кто ездит в Одессу в конце ноября? Командировочные по делам, отпетые романтики, секс-туристы из Турции, да вот такой странный тип, как Гриша. Собиратель человеческих характеров, охотник за раритетными персонажами и странными историями.

Уже пятый год Гриша приезжал в Одессу, чтобы встречаться со стариками, которым есть что вспомнить. Бывший контрабандист с висячими бровями, парализованный милиционер, который начинал еще в «жуковскую ликвидацию», трубач, проплававший на круизных лайнерах пятьдесят лет, торговка с Привоза с шестидесятилетним стажем. С ними встречался Гриша, расспрашивал, записывал на диктофон осевшие голоса, сквозь старческий кашель, сквозь осадок времени из легких выкладывавшие ему крупицу за крупицей – чужие жизни. Зачем он это делал? Своим собеседникам он на этот вопрос отвечал, что писатель, что ищет сюжеты, что собирает материал для книги. От навоящих вопросов отбивался нехитрыми выдумками: дескать, детектив с любовной линией хасидки, сбегавшей из семьи, и алжирского пирата. Конечно, такая парочка могла встретиться только в Одессе.

Старики общались с ним охотно, к большинству из них давно никто не прислушивался, не ворошил линялое тряпье их молодости. А поговорить им хотелось. И вспомнить, и приврать, и задним числом свести с кем-то счеты, восстановить справедливость или – просто переписать набело то, что не удалось прожить.

Гриша всегда угощал рассказчиков сытным обедом, наливал столько рюмок, сколько рассказчик желал выпить, на все вопросы об оплате счета согласно кивал, улыбаясь. Говорил, что это – часть отпущенного издательством бюджета на сбор фактуры.

Никакого издательства, конечно, не было. Свои интервью Гриша брал для того, чтобы прикоснуться через разговор

ко времени, когда индивидуализм и героизм были обыденностью, а порядочность – нормой. Ну, и чтобы хоть как-то для себя оправдать, зачем он приезжает в этот странный город, в котором ему почему-то так легко и комфортно. Стеснялся признаться себе, что приезжает сюда подышать немного, порадоваться жизни.

Денег у Гриши было немного, собирался в одесские командировки он всегда «на свои» и всегда поздней осенью, зимой или ранней весной. Когда в городе не было бесцельных туристов, толкотни на улицах, суетного говора. Когда по улицам гулял ветер, разнося запахи. Когда квартиры падали в цене и будто сами напрашивались: ну, сделай одолжение, сумасшедший, приезжай! Приперся в ноябре? Сними нас хоть на выходные!

В этот приезд Гриша договорился о встречах с бывшим военным прокурором Крыма и с генералом МВД в отставке, лично бравшем маньяка Чикатило. Осталось только поселиться.

– Ну, вот и я, встречай, Одесса! – Гриша засучил рукава и вскинул телефон наизготовку. – Какие будут предложения?

Для начала осмотрел варианты в любимом центральном квадрате: Бунина – Ланжероновская – Вице-адмирала Жукова – Пушкинская. Удивился. Предложений было немного, а красивых – наперечет. Первый звонок, и сразу – отрезвляющий душ.

– Ну, што ви хотите? – скрипучий голос пожилой женщины выражал удивление того типа, что для некоторых – посильнее презрения. – Ну я же не автомат вам повторять, ну все сдано до лета. Ну имейте терпение!

– Как так? У вас объявление свежее...

– Ну не путайте буквы с рыбой. Это впрок. А вдруг кто-то такой же нетерпеливый, как ви, позвонит и захочет забронировать на лето?

– Вы думаете, что говорите? – оставаться вежливым не было сил. – Какое лето? Еще только конец ноября!

– Я всегда думаю, мне, в отличие от вас, есть чем. А ви звоните, когда решите с датами на лето.

Гриша выругался под гудки из трубки. Набрал следующий номер. Тот разместился под фотографиями импозантной студии с изразцовым камином в углу, новой мебелью и небольшим

балкончиком по фасаду – автографом итальянца, принимавшего заказы еще от министров Александра Второго.

– Сколько вас будет жить? – мужчина на том конце был деловит и оттого казался неприветливым. Но его деловитость, которая раньше бы оттолкнула, сейчас обнадежила.

– Один. Чистоплотный мужчина, люблю тишину и покой.

– На сколько вам?

Гриша позволил себе секундную паузу и – выдал коронный хук:

– Недели на две. Потом, возможно, продлю... – раньше на этих словах Гриша прямо в трубке чувствовал, как замирало сердце домовладельца. И как затем ускорялось до галопа, и весь он на том конце трубки вытягивался, а в голосе сочился мед, и он был готов – Гриша чувствовал это – готов раскрыть сердце, душу, тайные мысли для такого заманчивого клиента. Но в этот раз в голосе домовладельца ничего не изменилось.

– Это вряд ли.

– В смысле?

– В смысле – вряд ли получится.

– Почему? – обескураженно выдохнул Гриша.

– У меня квартира освобождается послезавтра на три дня, потом бронь на четыре, потом – еще два дня свободна, потом – на неделю занята.

– Так освободите, перенесите брони. Вы меня услышали? Я на две недели беру, а потом продлю. Возможно, месяц проживу. Месяц посуточно!

– Не имеет значения, – легкий вздох, первая эмоция за весь разговор. – У меня брони через букинг-ком, я не могу отказаться, назначат штрафы, мне невыгодно.

– Простите, это – Одесса? Я не ошибся городом?

– Да, все меняется.

Еще пять звонков хозяевам квартир в центральном квадрате не привели к желаемому результату. Гриша, как мантру, выдавал затверженный текст:

– Квартирки у вас? Мне нужна небольшая, но очень красивая квартирка в центре. На одного. Со свежим ремонтом, лучше – дизайнерским. С хорошей интересной мебелью, с балкончиком. Что-

бы вдохновляла. Небольшую можно. Но чтобы – игрушечка. Порадоваться жизни. Подышать.

Предложили Маразлиевскую. Но внутри темно, обои черные, освещения – чуть. Темный парк Шевченко, свежий воздух, конечно, но – гопники. И – темно.

Вот появилась Ришельевская, но – угол с Большой Арнаутской, от центра далеко, от вокзала близко, вокзальный район, ни ресторанов приличных, ни кафе рядом... Дом – черная сталинка, и – вокзал, вокзалом пахнет, некошерно.

Усталость морила, сказывался недосып в дороге, вагонная болтанка, железнодорожная вода. Гриша сдался. С двумя сумками он добрал до средней руки отеля на Пантелеймоновской и снял номер за шестьсот гривен. Средний номер в среднем отеле.

Принял душ и сразу же залез под одеяло. Сон пришел мгновенно, но постоянно прерывался. В отеле шла непримиримая борьба против любых секретов постояльцев друг от друга, борьба с приватностью. Гриша слышал шаги по коридору, легкую перебранку горничных, смех девушек, которых веселые постояльцы вели в номера, стоны тех же девушек – отовсюду. Любой звук, раздававшийся в отеле, казалось, исходил из собственной прихожей. Шестьсот гривен. И белье несвежее.

* * *

Кое-как выспавшись, Гриша первым делом раскрыл ноутбук и принялся относительно свежим взглядом просматривать варианты квартир. Что ж, если чудесные варианты в центральном квадрате с балконами и каминами разбиты бронями с букингком и эйр-би-энд-би, возможно, стоит на время понизить планку. Пожить неделю в квартирке попроще, а там не торопясь подобрать идеальную, запрячь маклера, пусть заработает свои проценты, главное – найти свою квартиру. Отступить, чтобы выиграть битву.

Гриша листал страницы сайта, удаляясь от центра, снижая запросы. Вот промелькнуло знакомое фото. Под призывной надписью «отменный вариант для романтического уикенда» – фото спальни, в которой Гриша пару лет назад неплохо отдыхал после

общения с разговорчивыми собеседниками. И номер телефона – тот же. Ангелина. Вроде общались приятно, расставались довольные друг другом.

– Ангелина, как поживаете? Это Гриша, помните, жил у вас пару лет назад? Писатель...

– А-а-а, помню вас, рада слышать.

– Я в Одессе, как ваша квартирка?

– Квартирка стоит, ждет вас, – Ангелина улыбалась в трубку, как же приятно было после всех прохладных разговоров наконец-то почувствовать забытую уже одесскую теплоту.

– Я на неделю для начала...

– Прекрасно. Семьсот гривен в сутки будет.

– Сколько? – Гриша не смог скрыть возмущения.

– Это только для вас. Вообще, за восемьсот пятьдесят сдаю.

– Побойтесь бога! Откуда такое? Я же за триста у вас снимал...

– Ну-у-у, когда это было...

– Полгода назад!

– У нас тарифы с первого декабря повысят. Газ, свет, вода...

– Я в отеле сейчас за шестьсот живу...

– Им легче. Они за все номера оптом платят. А мы теперь все – заложники у правительства. Теперь вам, туристам, придется на карман нашим коррупционерам работать. А к лету, говорят, тарифы еще поднимут. Тогда только туристы и будут снимать...

Все это Ангелина говорила, не переставая улыбаться в трубку. От этого лицо ее представлялось Грише блюдцем с размазанным по нему вареньем. Но аппетита картина не вызывала.

Следующие три дня он искал квартиру в режиме непрерывной напряженной работы. Проснувшись, выходил из шумного отеля, садился в кафе, открывал ноутбук и звонил, звонил, звонил. До вечера. Запланированную встречу с генералом МВД в отставке перенес, сославшись на нездоровье. Внешне приличных и подходящих географически вариантов появлялось не больше пяти на день. И – начинались переговоры. Изнурительные, вытягивающие жилы и мозговое вещество переговоры, одного раунда которых хватило бы, чтобы выбить у мэрии подряд на перестройку всего центра города.

– Я по поводу двушки на Пушкинской угол Троицкой. Какой там у вас этаж?

– Этаж второй, балкон во двор, но...

– Что?

– На балкон нельзя выходить...

– Почему?

– А вы не в курсе? Там многоэтажку, новострой лепят впритык. Наш дом уже трещиной пошел! У нас на доме баннер во весь фасад: «Гефест разрушает наш дом!».

– Гефест?

– Ну или Каддор, черт их разберет, третий год специально доводят в центре дома до разрушения, а на их месте свои высотки лепят.

Тем же вечером Гриша специально прогулялся на Пушкинскую угол Троицкой. За оголившимися платанами виднелся рекламный бигборд строительной компании. «Радуйтесь жизни в новой квартире! Каддор – бизнес с божьей помощью».

На следующий день он пил кофе и снова звонил.

– Алло! У вас на Греческой все в порядке?

– А что там может быть не в порядке?

– Балкон целый?

– А почему ему не быть целым?

– Я хочу снять на две недели, договоримся?

– А почему же двум приличным людям не договориться?

– Тогда я приду посмотреть. Когда можно?

– А когда вы хотите?

– Да, я уже здесь... Можно сегодня?

– А почему нельзя? Приходите. Там найти легко, от угла увидите, дыра рядом с парадной, это – к нам.

– Дыра?

– А что вы хотели увидеть? Водокачку?

– Почему дыра?

– А что бывает, когда делают взрыв?

– У вас был взрыв?

– Вы что, не читаете новости? Даже за прошлый год?

В прошлом и в позапрошлом годах в Одессе гремели взрывы. Обычно это случалось рядом с жилыми домами, в которых первые этажи занимали государственные учреждения. Однажды целенаправленно взорвали вход в ресторан «У Ангеловых». Слава Богу, никто не пострадал. Говорили, что взрывают для какой-то раскачки каких-то революционных или контрреволюционных масс. Что это означало, Гриша так и не понял. То ли сторонники принудительной украинизации хотели убедить горожан, что сепаратисты опасны и действенны, то ли – наоборот. После того как взорвали фугас у здания СБУ, «пиаровские взрывы», как их прозвали одесситы, на время прекратились.

* * *

- Здравствуйте! Вы квартиру сдаете?
- Конечно! А вы кто?
- В смысле? Человек...
- У вас говор российский. Вы из России?
- Ну... а это важно?
- Да нет, вы не подумайте, я нормально к россиянам отношусь, просто интересно, зачем вы приехали в Одессу в несезон? Ноябрь...
- Да просто приехал, жизни порадоваться.
- Порадоваться?
- А чем еще заниматься в Одессе? Здесь же все жизнерадостные, с юмором. Вот и я приехал, сдайте мне квартиру, пожить, жизни порадоваться...
- Странный вы, честное слово, подозрительный... Кто ж в ноябре в Одессе жизни радуется?
- Оптимисты. У вас есть для меня вариант? Только, пожалуйста, очень уютный. На одного, пусть будет небольшая квартирка, но – теплая, приятная. Игрушечка. Я – писатель, мне вдохновение нужно... Ну и – жизни порадоваться.
- Конечно-конечно! Мы писателей любим. Знаете, у нас жил писатель, такой приятный человек, такой милый был, почти не выходил из дома, еду заказывал домой, каждую неделю коробки из-под пиццы выносили стопками, а еще девки к нему ездили

каждую ночь, по двое, и по трое иногда, но – тихо было, соседи не жаловались, а мы подумали, ему, наверное, для вдохновения девки, а то как-то слишком тихо у него с ними, ну мы все понимаем, мы люди современные, а потом – он же в Одессу приехал, как же тут без...

– Извините, что перебиваю, но мне бы квартирку, красивую, с ремонтом...

– Конечно-конечно, приезжайте хоть сейчас смотреть. Будем очень рады писателю. Мы писателей любим, а вы про что писатель? Не про политику же, наверное, нет? А то у нас вся лестница в парадной зеленкой залита, правый сектор, ну – как правый? Правый-левый, кто их сейчас разберет... Мальчишки, шпана, облили зеленкой соседа будущего вашего, про него тут все говорят – сепаратист, он в фисбуке у себя пишет, чтобы русский язык сделали государственным и фильмы на русском показывали, зачем ему – непонятно, все про это и так знают, все на русском говорят и фильмы на русском в Интернете смотрят, а он зачем-то выступает об этом громко, так его зеленкой облили, когда по лестнице спускался, жалко лестнице, белый мрамор был итальянский, а теперь вся – в зеленке, но вы не переживайте, это – мальчишки, хулиганье, им кто-то по двести гривен дал, они и облили, а так – у нас все спокойно, вообще, двор тихий у нас, и писателей мы любим, милости просим, так когда вы...

– Спасибо, я в следующий раз, наверное.

На пятый день жизни в среднем отеле, непримиримо противостоящем любой приватности, Гриша перестал пить кофе по утрам. Вместо утренней чашки, глядя на слякотный ноябрьский город, он думал: «Чего я здесь делаю? Дался мне этот бывший военный прокурор Крыма! И бывший генерал МВД подождет, ему 75 всего! Надо валить отсюда, из темных переулков, заваленных раскрошившимся ракушняком, от ветреных площадей с вырытыми кем-то и забытыми до весны трамвайными рельсами. Прочь отсюда, в залитый праздничными огнями Киев или еще дальше – в Москву, где – хруст снега, денег и беспощадные огни, стирающие грань между днем и ночью. Туда, в комфорт. А здесь –

унылые серые улицы, застрявшие между осенью и весной, между веселым прошлым и неясным будущим. Здесь падающие балконы и измученные бытом домовладельцы. И – никакой надежды на домашний уют или хотя бы на приватность».

Гриша попытался позвонить владельцам апартаментов в Киеве, прощупать почву, но оказалось, ему заблокировали сим-карту. В справочной сказали, что это – правила компании Vodafone, сменившей на рынке сотовой связи агрессивно-маркетинговый МТС. Если с его номера исходило множество вызовов на разные не повторяющиеся номера, значит, его подозревали в автоматических рекламных рассылках.

Гриша швырнул телефон на кровать и – безоружный – отправился в бар. Там его напоила текилой очень взрослая женщина с круглыми глазами, каждую секунду готовыми заплакать.

– Что ж это такое? Разве ж это Одесса? – жаловался Гриша женщине, которая кивала головой в такт каждому его слову. – Вот приехал зимой жизни порадоваться. Неужели ж во всей Одессе не найдется красивой квартирки, чтоб отлежаться, привести себя в порядок, подышать влажным воздухом с полезными солями?

– Да что ты, – отвечала усталая собутельница. – Мою мать посадили в тюрьму за то, что выращивала марихуану на огороде. Дали 3,5 года. А у меня самой – больной ребенок, и за квартиру два месяца не плочено. Скоро выселят. А клиентов мало. Поживи у меня?

Из бара он бежал, нетрезво петляя по темным улицам. Кошки шарахались от него, уличные девки отказывались брать его деньги, и даже нищие попрошайки не рисковали протягивать к нему свои костлявые руки.

На следующее утро он отыскал телефон под кроватью, проверил сигнал – симку включили. Дрожащими с похмелья пальцами Гриша отыскал в записной книжке так и не удаленный номер «Одесса. Маклер Татьяна», сделал вызов.

– Татьяна, это Гри...

– Да, здравствуйте, узнала вас! – голос Татьяны звучал так приветливо, будто и не было утренней размолвки шесть дней назад, будто он все эти шесть дней дарил ей цветы и сладкую сдобу. – Рада вас слышать! Нашли что-то?

- Нет...
- Вот и хорошо! А мы ковер перестелили. Теперь – хороший ковер, чистый, с упругим ворсом. Вы любите зеленый цвет?
- А ювелир... на ковре... в гостиной? Или – в спальне?
- Да не волнуйтесь вы так за ювелира, его вообще на лестничной площадке убили. Когда хотите заехать?
- Сегодня...
- На сколько?
- Недели на две для начала. Потом продлюсь, может быть...

